

ДЕТЕКТИВ-
РУЛЕТКА



ОЛЬГА
БАСКОВА



САМОЕ СПРАВЕДЛИВОЕ
УБИЙСТВО



Ольга Баскова

Самое справедливое убийство

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436665

Баскова О. Самое справедливое убийство: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-43101-4

Аннотация

Убийство бизнесмена Корнийца едва ли опечалило кого-то. Всем хорошо известен его скверный характер и продажа за границу исследований своего научного руководителя. Однако застреленный тем же оружием, что и Корниец, господин Варин не имеет никакого отношения к науке. Жертв объединяет только владение акциями отеля «Золотое руно». Всего компаньонов пятеро. Сыщики Павел Киселев и Константин Скворцов склоняются к самой логичной версии: один из хозяев избавляется от остальных. Однако вскоре под колесами машины погибают очередной член пятерки и... несколько женщин...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	8
Глава 4	28
Глава 5	33
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ольга Баскова

Самое справедливое убийство

Глава 1

Он поставил машину в гараж, закрыл тяжелую дверь и, вытирая пот со лба, зашагал в сторону дома. Мысли, мучившие его уже несколько дней, продолжали тесниться в голове. Неужели наступил конец его спокойной жизни? Конец его семейному счастью, которое однажды пришло к нему, как в сказке. Ну почему все навалилось на него теперь, когда он почувствовал себя самым счастливым человеком на Земле, когда сказал себе, что достиг всего, чего только может пожелать любой.

Он достал из кармана скомканный платок и вытер липкие от испарины руки. Нет, он не позволит разрушить созданное с таким трудом, он не допустит... В противном же случае он готов на все, даже на крайние меры. С трудом передвигаясь на ватных, непослушных ногах, он подходил к подъезду, пристально глядя на окна своей квартиры. В комнатах горел свет, и это его порадовало. Силуэт жены, хлопотавшей на кухне, четко вырисовывался на фоне гардин, и у него больно

кольнуло в сердце. Нет, нет и еще раз нет! Они кретины, если думают, что он смиритя, они просто круглые идиоты. Он будет бороться за свой семейный очаг, за ту, которая дала ему возможность поверить в себя. Бороться до конца...

Глава 2

Для Павла Киселева, отправившего жену с дочкой на отдых в Крым, наступили такие спокойные и скучные дни, что он не находил себе места и был страшно зол на Ларису, умовавшую в отпуск с Серегой именно в то время, которое он давно уже запланировал себе. Для любящих супругов нет ничего хуже, чем проводить отпуск раздельно. Сколько раз он уговаривал эту чертову Кулакову отложить отпуск, однако ничего не вышло. Самой Лариске было все равно, но ее мужу, преподавателю университета, полагалось уходить именно в это время, впрочем, как и его Насте, тоже преподавателю вуза. Хуже всего, что Лариска позаботилась о совместной поездке с мужем и заранее переговорила с Кравченко, а он, как лох, сидел и ждал неизвестно чего. Вот теперь и приходилось куковать, как говорится, кто не успел, тот опоздал. На работе наблюдалось некоторое затишье. Новых дел не было, да и в старых поставили точки. В выходные неутомимый Скворцов звал своего друга то на рыбалку, то на пикник, но Павлу не хотелось развлекаться. В отсутствие Насти он довольствовался телевизором и диваном по вечерам, а в субботу и воскресенье уезжал проведать родителей, равнодушно относясь к этому обманчивому затишью. В другое время Павел с ужасом ждал бы, что за этим последует: застой обычно чередовался с вереницей дел или одним делом, однако та-

ким, что для его расследования приходилось забывать о сне, еде и прочем. И такое дело не заставило себя ждать. Звонок Константина раздался в воскресенье. Киселев еще стоял на пороге, только вернувшись от матери и не успев даже разуться. Этому обстоятельству приятель обрадовался:

– Вот и прекрасно, – пропел Скворцов, – быстрее увидимся. Труп у нас, мой дорогой. Все жаждут тебя.

Павел положил трубку, пожал плечами и, закрыв дверь, поехал по указанному адресу.

Глава 3

Анатолий Иванович Корниец лежал у распахнутой двери своей шикарной квартиры в элитном доме в луже крови. Кто-то довольно хорошо прицелился, и пуля угодила прямо хонько в лоб, не оставив мужчине шанса выжить. Именно об этом подумал Павел, стоя над неподвижным телом, возле которого уже суетился Станислав Михайлович.

– Пока могу сказать только то, что вы и сами видите, – проговорил судмедэксперт, – стреляли с близкого расстояния.

– Покойный знал убийцу – это и коту понятно, – заметил Константин. – Более того, сам открыл ему дверь, впустил его. Иначе в дом не проникнешь: домофон.

– Значит, круг подозреваемых сузился до знакомых? – радостно улыбнулся Прохоров.

– Не вижу причин для радости, – отрезал Киселев. – По моему, тебе пора уже знать, как тяжело искать любого убийцу. Дай бог, чтобы наш Корниец жил отшельником и список подозреваемых уместился на одной строчке.

– Вряд ли, – успокоил их Константин, когда они зашли в квартиру, – отшельники в такой роскоши не живут. Впрочем, Анатолий Иванович наверняка боялся, как бы о нем так не подумали, – оперативник указал на стену над внушительной двуспальной кроватью, увешанную фотографиями обна-

женных и полуобнаженных женщин. – Боюсь, список будет просто огромен.

Павел внимательно осматривал большую четырехкомнатную квартиру. Кабинет покойного вызвал у него недоумение. В спальне сыщики наблюдали откровенную порнографию (кроме фото на стене, Прохоров отыскал видеокассеты и диски подобного содержания). В кабинете же царил совсем другая атмосфера. На стеллажах мирно стояли не дешевые бестселлеры в кричащих обложках, а научные труды по физике и масса справочников. Судя по обилию подобных книг, это вряд ли было хобби. Вероятно, покойный имел отношение к данной отрасли. Разумеется, Киселев не исключил того, что квартира могла достаться убитому по наследству и все это добро принадлежало когда-то его отцу или матери: дом как-никак элитный, в нем издавна селилось либо начальство, как гражданское, так и военное, либо представители науки. Правда, в последнее время некоторые обедневшие представители этой братии продавали квартиры предпринимателям. Так что Корниец вполне мог приобрести жилплощадь за деньги, но книги! При таком раскладе они должны были либо отправиться за своими владельцами, либо их сдали бы в макулатуру или выкинули на помойку. Нет, определенно, Анатолий Иванович имел какое-то отношение к физике.

– Ступай к соседке в пятнадцатую, к той, которая милицию вызвала, – распорядился Скворцов, так же недоуменно

взвизывая на полки с книгами, – мы с Прохоровым здесь все закончим.

Павел вышел на лестничную клетку и позвонил в дверь напротив, которая сразу же распахнулась. Видимо, хозяйка ждала, что ее обязательно посетят.

– Здравствуйте, – улыбнулся Павел сухонькой старушке, впрочем, очень чисто одетой и ухоженной: аккуратная стрижка, маникюр. – Я из уголовного розыска. – Он полез в карман за удостоверением.

– Не надо, – остановила его женщина, – я видела вас в глазок. Проходите в комнату.

Квартира соседки была не меньше квартиры Корнийца, правда, ремонт в ней, видно, не делали давно.

– Наталья Михайловна, – представилась пожилая дама. – Чай будете?

Только после этого предложения мужчина почувствовал, как голоден. Нет слов, мать накормила его на убой, но сколько времени прошло с тех пор?

– Спасибо, не откажусь, – улыбнулся Павел.

Старушка засеменила на кухню, а оперативник принялся разглядывать комнату своей собеседницы. В стареньком шкафчике за стеклом стояли фотографии нескольких мужчин и женщин, как молодых, так и пожилых, и детские снимки.

– Это мои родные, – сказала Наталья Михайловна, входя с чайником и вазочкой печенья, она явно поймала взгляд

Киселева, – вот это папа, он был академиком, известным исследователем в области биологии, это мама. Как вы поняли, квартира досталась мне по наследству. А вот это мой покойный муж, вот дочка с зятем, внуки. Они сейчас проживают в Санкт-Петербурге. Вам крепкий?

Оперативник кивнул.

– Догадываюсь, о чем вы меня будете спрашивать. – Женщина аккуратно разливала чай. – Никогда в молодости детективами не увлекалась, я по образованию биолог и проработала до пенсии в научно-исследовательском институте, ну а на старости лет, оставшись одна... Телевизор, знаете, не смотрю: не хочу давления на ночь. Сейчас там такое показывают! То происшествия по городу – кровь, то стихийное бедствие или катастрофу – опять кровь, а уж фильм новый – там без этого никак не обойтись. Вот и увлеклась беллетристикой. Пробовала любовные романы – тьфу, секс один, да в таких подробностях, как будто любовь только в этом и заключается. Перешла на детективы, присмотрела себе парочку авторов наподобие Агаты Кристи. Так вот и отвлекаюсь, когда дурные мысли лезут в голову.

– Какие же дурные мысли? – поинтересовался Киселев, хрустя печеньем.

– О смерти, молодой человек, о смерти, – вздохнула старушка. – Как говорят, так мало прожил и так много еще надо сделать!

– По-моему, вам рано еще об этом думать, – заметил Па-

вел.

– Я тоже иногда так думаю, – вздохнула Наталья Михайловна, – да болезни напоминают о себе. Не было бы их, проклятых... – она сделала паузу. – А впрочем, я вас заговорила. Вы ждали от меня совсем другого рассказа. Только в понимке убийцы я мало чем могу помочь. Есть такие любопытные бабули, которые, чуть у соседа дверь скрипнет, – сразу к глазку: кто это там к нему пришел? Я к таким не отношусь.

– Значит, вы все-таки слышали, как дверь вашего соседа открылась? – Павел отставил кружку.

– Это слышала, – кивнула пожилая женщина, – а вот выстрела – нет.

– Можете приблизительно сказать, когда у соседа хлопнула дверь? – Киселев впился в нее глазами.

– Это могу сказать точно, – обрадовала его Наталья Михайловна, – я яйца всмятку варить поставила и все время на часы смотрела. Ровно в полшестого этот хлопок и раздался.

– Значит, больше вы ничего не слышали? – уточнял Павел.

– Нет, – покачала головой женщина. – А через полчаса Верочка с пятого этажа спускалась, она на него и наткнулась. Закричала не своим голосом, я быстренько дверь открыла, увидела Корнийца – и давай вам звонить.

– Вы хорошо его знали?

– Только-то? – Наталья Михайловна вздохнула. – Да, к сожалению.

– Почему же к сожалению? – поинтересовался Киселев.

– А потому, что негодяй ваш потерпевший. – Старушка с негодованием хлопнула ладонью по столу. – Я в Бога верю, а то бы сказала: поделом ему. Он-то Бога не боялся. Вы чай еще наливайте.

– Можно поподробнее? – Оперативник с удовольствием воспользовался предложением хозяйки и налил себе ароматного чая.

– Можно и поподробнее, – собеседница снова вздохнула. – Мне будет тяжело, но я справлюсь. Тяжело, потому что речь пойдет о моей близкой подруге. – Она подошла к шкафчику и вынула фотографию симпатичной пожилой улыбающейся женщины. – Это Мария Ивановна Сергеева-Клемма.

– Мария Клемма? – Мужчина с любопытством смотрел на снимок. – Та самая Клемма? Академик с мировым именем, профессор, доктор физических наук?

– Похвально, что вы о ней слышали, – улыбнулась Наталья Михайловна. – В наше время молодежь этим не интересуется, что для меня более чем странно. Разве мы не должны знать в лицо гордость нашего города? Согласитесь, великих людей у нас не так уж и много.

Павел кивнул, ничего не ответив. Имя Клемма было на устах всех средств массовой информации города еще пять лет назад. Киселев никогда не интересовался физикой, однако не пропускал интервью с этой женщиной, буквально впитывая в себя каждое сказанное ею слово. Он с восхищением

взирал на мировую знаменитость и думал, сколько ей удалось сделать для науки, особенно для отечественной. Такие женщины всегда вызывали в нем восторг.

– При чем же тут Клемма? – оперативник вернулся к разговору.

– Я расскажу все по порядку, хорошо? – Старушка достала носовой платок и вытерла выступившие слезы. – Иначе потом мне трудно будет собираться с мыслями, отвечая на ваши вопросы.

Киселев в знак согласия махнул рукой.

– Маша Клемма была моей близкой подругой, – начала хозяйка. – К сожалению, наша дружба с ней длилась недолго: ровно два года назад Машеньки не стало. И познакомились мы с ней поздно. Я переехала в эту квартиру пять лет назад, когда умерла мама. Мой муж, чудесный человек, умер еще раньше. Дочь к тому времени давно уже вышла замуж и жила в Санкт-Петербурге у свекрови. Мой отец так и не смог смириться со смертью мамы, приходил ко мне каждый день, засиживался допоздна, вспоминая прожитые ими годы. От переживаний у него развился рассеянный склероз. Он стал говорить о матери в настоящем времени, ждал ее прихода, пребывая в своем мире, а когда возвращался в реальность, хотел покончить с собой. Его состояние меня встревожило, и я переехала к нему, поменяв свою квартиру на Санкт-Петербург и отдав ее дочери и внукам. Маша жила в этом же доме, но в другом подъезде. Однажды мы столкнулись при

подходе к дому, папа поздоровался с ней и познакомил нас. Я была поражена! Передо мной стояла знаменитая Клемма, о которой я столько слышала и которой восхищалась. Помню, тогда подумала о том, что она очень привлекательна, со вкусом одета – в общем, далеко не синий чулок, как мы привыкли думать о подобных ей. После этой коротенькой встречи мы не виделись два года – вполне нормально для многоэтажки. Вторая наша встреча произошла в довольно неприятном месте: в поликлинике мы ожидали приема у гинеколога. Разумеется, мы сразу узнали друг друга: я и не могла ее забыть, а она обладала хорошей памятью. Мы сели рядышком и разговорились. Выяснилось, что мы проходим одинаковое лечение, у нас один и тот же диагноз и лечащий врач – Анна Петровна Белозерова, которая в недалеком будущем предрекала нам оперативное вмешательство, если ничего не изменится. После осмотра Маша пригласила меня в гости на чай, и я с радостью согласилась. Папа к тому времени уже умер, я ушла на пенсию, но к дочери ехать не хотела, хотя она постоянно звала меня. Знаете, я до фанатизма преданна нашему городу. Возможно, когда-нибудь я решусь переехать, однако мне нужен подготовительный этап, чтобы смириться с этой мыслью. Сейчас я почти готова к переезду. Вы, наверное, не представляете, как тяжело сидеть одной в пустой огромной квартире, где каждая вещь напоминает тебе о лучших годах твоей жизни, о близких тебе людях, которых ты никогда больше не увидишь.

Она снова поднесла платок к глазам.

– Простите меня за лирические отступления, – Наталья Михайловна улыбнулась Киселеву. – Это свойственно старикам. На чем мы остановились? Конечно, я приняла ее приглашение. За столом мы разговорились. Клемма много рассказывала о себе и своей семье. Ее предки – выходцы из Франции, перебравшиеся в Россию в пушкинскую эпоху. Эта фамилия дала стране ученых, искусствоведов, писателей, поэтов, артистов, не забывавших, впрочем, и свою историческую родину: знать французский было для них обязательным делом. Мария вспоминала, сколько людей посещало дом ее родителей, а французскому ее обучали, можно сказать, с пеленок. И тут грянула Великая Отечественная. Отец отправился на фронт, хотя его, известного ученого, оставляли в тылу. Он погиб в первые месяцы войны, и мама решила переехать к бабушке в Ленинград. Жестокая блокада унесла жизни обеих женщин. Девочка чудом выжила в пустой холодной квартире: ее случайно обнаружила зашедшая к ним соседка. Потом в детдоме Марии рассказывали: она старалась согреться, прижавшись к окоченевшему телу матери. Война словно острым плугом прошла по этой некогда счастливой и большой семье. Позже, уже будучи взрослой, Клемма пыталась разыскать родственников, но безуспешно. Она осталась одна-одинешенька на всем белом свете. Знаете, Маша – очень открытая натура. Таким людям трудно переживать одиночество. И когда в детдоме она встретила род-

ственную душу – Колю Сергеева, то была несказанно счастлива. Детская дружба переросла в любовь, и они поженились сразу после окончания института. Николай, как и его жена, физик по образованию, мог часами просиживать на работе и говорить о любимой науке.

– Ты не представляешь, сколько у нас с Колей было общего, – рассказывала она мне.

Имя доктора физических наук, профессора Сергеева, конечно, не так известно, как имя его жены, но его знают все, кто соприкасается с физикой. Впрочем, известность, стремление к славе никогда не волновали талантливых молодых ученых. Им нравилось заниматься исследовательской деятельностью, и они рука об руку шли к новым научным открытиям, одновременно защищая кандидатские и докторские. Когда защитилась Маша, Николай пригласил жену в самый респектабельный ресторан, сказав, что у него к ней есть очень важный разговор.

– Знаешь, Маша, – проговорил он, разливая по бокалам шампанское, – я подумал и пришел к выводу: на время нам надо остановиться.

– Как остановиться? Почему? О чем ты говоришь? – не поняла Клемма.

– Ты еще не забыла, сколько нам лет? – улыбнулся Николай. – Наука может подождать, а годы – никогда. Поэтому мы должны подумать о ребенке.

Маша потупилась. Действительно, в этой суете им некогда

было поразмыслить о детях. Разумеется, Николай прав. За плечами уже тридцатник. Пора остановиться.

– Ты у меня умница. – Она погладила руку мужа. – Кого ты больше хочешь – девочку или мальчика?

– Хочу, чтобы ребенок был похож на тебя, – рассмеялся Николай.

Машенька рассказывала, что никогда еще не чувствовала себя такой счастливой, как в тот вечер. Вернувшись из ресторана, они почти до утра проговорили о будущем ребенке и, довольные, быстро заснули, не подозревая, что беда уже поджидает их. На следующий день Марию вызвали в поликлинику и сообщили результаты очередного профосмотра мужа. Диагноз поверг ее в шок: Николаю ставили рак крови.

– Тогда врачи были гуманнее, – заметила Наталья Михайловна. – Они ничего не хотели сообщать больному, не посоветовавшись с его женой.

– Я почувствовала, как внутри меня что-то оборвалось, – рассказывала Мария. – Побелевшими губами я спросила, есть ли какой-нибудь шанс, ведь жизнь для нас только началась. Но врачи развели руками: от силы три месяца. Не помню, как я вернулась домой. Ничего не подозревающий Николай приготовил вкусный ужин, ожидая меня, суетился, приговаривая, что теперь должен вдвойне оберегать мать своих будущих детей, а я, собрав волю в комок, улыбалась, стараясь ничем не выдать своего подлинного настроения. И все же он что-то почувствовал. Я тут же придумала удач-

ную отговорку: с детьми придется подождать, я была у врача, необходимо кратковременное лечение, иначе беременность невозможна. Помню, как он успокаивал меня, а я, дождав-шись, когда он заснет, вышла на балкон и разрыдалась, по-нимая: моя жизнь кончена. Николая тоже вызвали в поли-клинику. Не знаю, что ему сказали, объясняя необходимость некоторых процедур и постоянной сдачи анализов, однако он обо всем догадался. Даже понимая, что умирает, этот че-ловек думал обо мне и никогда не позволял себе пасть духом. За несколько дней до смерти, лежа в больнице, Коля сказал мне: «Машенька, спасибо тебе за все. Если хочешь, чтобы я умер со спокойным сердцем, пообещай мне...»

– Я все для тебя сделаю. – Слезы сами текли по моим ще-кам, и муж не успевал вытирать их.

– Не надо скорбеть обо мне всю жизнь, – попросил он. – Выходи замуж и рожай детей. Фамилия Клемма нуждается в продолжении рода.

Я не стала говорить Коле, что не смогу выполнить его просьбу, хотя уже тогда знала об этом, знала, что другие муж-чины для меня не будут существовать.

– Так сделаешь, как я просил? – Он с надеждой загляды-вал мне в глаза.

– Да. – Я разрыдалась и выскочила из палаты.

Три года после Колиной смерти Маша не находила себе места. Она снова с головой ушла в науку: только занимаясь любимым делом, женщина могла забыть о съедающей ее бо-

ли. Боль постепенно утихала, но окончательно не прошла. В жизни Маши так и не появился другой мужчина. Будучи верующим человеком, Клемма говорила:

– Когда мы встретимся на небесах, он простит меня, он поймет...

И выйдя на пенсию, Мария продолжала служить науке.

– Все, что я сделала, посвящено ему, – говорила она. – Знаете, я договорилась с астрономами, и они назвали новую звезду именем Коленьки.

После этого разговора мы подружились. Она была так же одинока, как и я, так же нуждалась в человеческом общении, хотя ее телефон не умолкал: многие мечтали писать кандидатские и докторские под ее руководством.

– Они знают, что у меня материала на весь факультет, – смеялась моя подруга. – И они правы: он не должен лежать. Написать еще одну диссертацию я уже не могу, так пусть это сделают другие. Пусть мои открытия послужат стране.

Аспиранты не заставляли себя ждать. Мало того, от них не было отбоя. Но Маша больше двух никогда не брала. Вот и в последний год ее жизни с ней работали Ашот Геворкян и небез-ызвестный вам Анатолий Корниец.

– Корниец писал диссертацию? – вырвался у Павла возглас удивления.

– Представьте себе, молодой человек, – усмехнулась Наталья Михайловна. – Моя подруга говорила: Ашотик очень талантливый, и его ждет большое будущее, а Толик – просто

трудолюбия поневоле, который пишет диссертацию ради самой диссертации. Однако она оценила это трудолюбие, к тому же Корниец жил с нами в одном доме, мы знали его родителей (этому парню, как и мне, жилплощадь досталась по наследству). Помогая своим подопечным, Клемма опять окуналась в любимый научный мир и забывала обо всем на свете. Помню, я даже ревновала ее: как ни придешь, сидят эти двое и слушают, разинув рты. «Их работы будут как конфетки», – гордилась приятельница. День защиты приближался, а вместе с ним – переломный момент в истории страны. Короче, грянула перестройка. Родители Геворкяна вместе с отпрыском благополучно отбыли в Штаты, ни словом не предупредив об этом Клемма. Все ее надежды теперь были связаны с Корниемцом, но тот в одночасье потерял интерес к диссертации, занявшись бизнесом.

– На меня неожиданно свалилось наследство, – говорил он мне при встрече, когда я начинала стыдить его. – Кандидатская не убежит, да и вообще, на кой черт она теперь нужна? Если есть возможность зарабатывать большие деньги, надо этим пользоваться.

Маша тяжело переживала их уход, но время шло, и подруга начинала смиряться с этим фактом. Я радовалась, видя, как обида и сожаление постепенно покидают ее, однако данной истории не суждено было закончиться. Однажды Маша прибежала ко мне вечером. Ее трясло, лицо покрылось испариной, руки дрожали.

– Посмотри. – Она бросила на стол журнал «ВИНИТИ», трясущимися руками открыв нужную страницу. Я неплохо знаю английский, но, естественно, могу оперировать терминологией только в своей области. Несколько знакомых слов в реферате мне ничего не сказали, зато имя автора прочитал бы любой. Им являлся Ашот Геворкян.

– Это тезисы его диссертации. – Маша тяжело опустилась на стул. – Здесь есть засекреченные данные. Мы ведь работали с ним в секретных архивах. Ты понимаешь, о чем я хочу сказать?

Ее состояние сбивало меня с толку и мешало собраться с мыслями. Я покачала головой.

– Этот негодяй продал материал за деньги, – пояснила Маша. – И наш соседусшка приложил к этому руку. Автор второй статьи – некий Юрий Иванов, имя, абсолютно мне ничего не говорящее. Зато узнаю материал. Это отрывки из кандидатской Корнийца. Теперь тебе понятно, откуда на него в одночасье свалилось наследство? Геворкян поделился с приятелем.

Я похолодела. Такой подлости от парней не ожидал никто.

– Налей мне чаю, – попросила подруга.

Я метнулась на кухню, Маша, тяжело ступая, шла следом. Открыв форточку, она достала сигарету и жадно затянулась. Мне стало ужасно жаль эту несчастную женщину. Я вспомнила: она рассказывала, что единственный раз в жизни позволила себе выкурить пачку сигарет – в день смерти мужа.

Значит, данное событие почти так же сильно потрясло ее.

– Успокойся, – я осторожно наливала чай, придвигая ей пепельницу, – на белом свете всегда хватало негодяев.

– Совершенно верно. – Мария загасила сигарету и придвинула к себе чашку. – Только этих подонков я собираюсь наказать. То, что они сделали, называется преступлением против Родины. Все наши открытия должны находиться здесь.

Она резко поднялась со стула и, не допив чай, ушла.

Маша начала бороться за справедливость буквально со следующего дня. К сожалению, в научно-исследовательском институте не все разделяли ее мнение.

– Самое неприятное для меня, – говорила Клемма, – разочаровываться в людях. Хорошо, если разочаровываешься в положительную сторону. Но если человек, которого ты считал своим другом, в нужный момент оказывается по ту сторону баррикад – как это тяжело, Наташа!

Из ее рассказов я узнала, что по данному вопросу образовались две группировки. Одни полностью поддерживали подругу, считая поступок Геворкяна и Корнийца предательством и требуя наказания, другие оправдывали парней: мол, сейчас другое время и каждый зарабатывает как может, хватит жить совдеповскими принципами.

– Принципы чести и совести не должны меняться с изменением правительства и общественного строя, – замечала Маша. – Кто бы там что ни говорил, я найду на них управу.

Она потребовала от Корнийца вернуть еще не попавшие в прессу материалы, грозя разоблачением в средствах массовой информации, что ему, как начинающему бизнесмену, было вовсе не нужно, однако он клялся и божился: мол, понятия не имеет, откуда в американском журнале сведения из его работы, вот она, в целости и сохранности, лежит у него дома, а если Ашот каким-то образом добрался до нее (что вполне возможно, они ведь работали рука об руку), за это он не ответчик. Разумеется, Мария не верила ни единому слову моего соседа и готовила выступление на телевидении и статью в газету. Наверное, многим после этого пришлось бы туго, для них смерть Маши стала спасением от позора и, возможно, наказания.

– Да, правду сказать, вовремя она умерла, – заметил Павел. – Инфаркт, инсульт?

– Ни то ни другое, молодой человек, – Наталья Михайловна снова достала платок. – Смерть на операционном столе от сердечной недостаточности. Помните, я рассказывала вам, где мы познакомились поближе? В неприятном месте, с неприятными, правда, не смертельными диагнозами, но врач Белозерова готовила нас к операции. Знаете, после любой операции за человеком нужен уход. Так как у Маши не было родственников, а я не хотела расстраивать и обременять дочь, мы договорились помогать друг другу. Первой в больницу легла Мария. На следующий день после операции, придя ее навестить, я даже в мыслях не держала ничего плохо-

го. Представьте себе мое изумление и отчаяние, когда врач сообщила мне о смерти подруги.

– Она скончалась от сердечной недостаточности, – равнодушно констатировала Белозерова.

Я побелела.

– Как такое могло случиться? – Мой голос дрожал от боли и возмущения. – Моя подруга никогда не жаловалась на сердце. Мы каждый день бегали с ней до речки. Здесь какая-то ошибка.

– Ошибки здесь нет никакой – Белозерова не давала мне и рта раскрыть. – Так, как вы, рассуждают многие пожилые люди. Пройдут пару лишних километров – и считают, что в их возрасте это подвиг и у них все в порядке со здоровьем.

– Но это совсем разные вещи... – я пыталась возражать.

– Не будем об этом говорить, – прервала она меня. – У вас впереди много тяжелых дней. Надо похоронить подругу и самой готовиться к операции. Всего доброго.

Она развернулась на высоких каблуках, а я, глядя ей вслед, подумала, что никогда не приду сюда, и сдержала слово. Похоронив Машу, я позвонила дочери, объяснила ситуацию, при-ехала в Санкт-Петербург, где мне сказали, что можно вполне обойтись без хирургического вмешательства, выписали лекарства и отправили домой. Теперь, если мне надо проконсультироваться с врачом, я еду туда. Вот, молодой человек, пожалуй, и все.

Киселев поднялся со стула и стал прощаться.

– Квартиру Клемма сдали государству? – поинтересовался он. – Ведь вы говорили, у нее не было родственников.

Наталья Михайловна взмахнула руками:

– Конечно, надо было сказать и об этом. Представьте себе, нет. Там поселилась известная нам личность – врач Белозерова. Когда я встретила ее возле Машиного подъезда и поинтересовалась, что она здесь делает, то услышала: мол, покойная Клемма написала на нее завещание, и теперь эта квартира принадлежит ее дочери Эллочке.

– Может быть, ваша подруга действительно сделала это? – спросил Киселев.

– Сделать это, милый, она никак не могла. – Хозяйку даже затрясло от возмущения. – Перед тем как лечь на операцию, она хотела написать завещание на мою дочь Анечку, но я категорически воспрепятствовала этому. Во-первых, у дочери уже есть квартира, и не одна: я умру – достанется эта. Во-вторых, я имею какое-то предубеждение насчет завещаний. Я понимаю: за границей их пишут сплошь и рядом, молодые и старые. Ну, а до нас это еще не дошло, поэтому у меня завещание ассоциируется со скорой смертью. Тогда я не дала Маше это сделать. Правда, подруга все равно хотела завещать квартиру моей семье.

– Не желаю, чтобы она отходила государству, – объясняла Маша. – Пусть за ней ухаживают близкие мне люди, слишком здесь мне все дорого. И не спорь, Наташа. Рано или поздно твоя Анечка станет ее владелицей. Как вы думаете, – об-

ратилась старушка к Павлу, – после таких слов Клемма могла отдать ее Белозеровой?

Киселев пожал плечами:

– В жизни бывает всякое.

– И все равно, – пожилая женщина упрямо закусила губу.

– Скажите, а у нее действительно никого не было? – задал вопрос оперативник. – Может быть, ей все же удалось кого-нибудь найти?

– Она бы сказала, – уверенно произнесла Наталья Михайловна. – Хотя постойте... Однажды я была у нее в гостях, и вдруг кто-то позвонил. Маша взяла трубку..

– Ах, это опять вы, – недовольно сказала она, – по-моему, на данном вопросе мы поставили точку. Я еще раз повторяю: я отыскала внучатого племянника, проживающего в Марселе. Что же тут непонятного? И перестаньте сюда звонить.

Когда же я спросила, о чем идет речь и что это за внучатый племянник во Франции, подруга лишь отмахнулась:

– А, не обращай внимания.

Видя, что она не хочет говорить на эту тему, я больше никогда не спрашивала о ее родственниках.

Киселев почувствовал, как вспотели ладони. Версия убийства Корнийца росла как грибы после дождя.

Глава 4

За два месяца до смерти Клемма

Мария Ивановна сидела в своем кабинете за письменным столом и просматривала черновики диссертаций Геворкяна и Корнийца. Что ж, Ашотик молодец, практически готовая работа, еще немного подправить – и можно писать чисто-вик. А вот с Толиком опять проблемы. В последнюю встречу вроде все разобрали, все разложили по полочкам – и опять ошибки. Не дано мальчику быть великим ученым, а он этого не понимает. Ну да ладно. Желание служить науке должно поощряться. Клемма сделала несколько пометок на полях и протянула руку к телефонной трубке, собираясь звонить Корнийцу. Если только паршивец не убежал на танцы, можно сегодня еще поработать с ним. Женщина уже набирала номер своего аспиранта, как вдруг услышала звонок в дверь. Недоуменно пожав плечами (сегодня она никого не ждала), Мария Ивановна направилась к входной двери.

– Кто? – спросила она в домофон.

– Ваш лечащий врач Анна Петровна Белозерова, – услышала Клемма знакомый голос. – Мне нужно с вами поговорить.

– Поднимайтесь, – разрешила Мария Ивановна.

Сияющая Белозерова возникла на пороге буквально через

полминуты, держа в руках коробку с тортом. На недоуменный взгляд хозяйки врач ответила:

– Не пугайтесь, моя милая. Я не по поводу гинекологии. Я совсем по другому вопросу, поэтому и принесла торт. Думаю, разговор наш не будет коротким. Какая у вас большая квартира!

– Проходите на кухню, – пригласила Клемма. – В комнатах у меня беспорядок.

Женщина не могла объяснить своего нежелания видеть тут Белозерову. Эта дама всегда была ей неприятна, и при первой же возможности она перестала бы общаться с ней. Но что поделать, участковая врач, говорят, довольно толковая, вот и приходилось прятать антипатии в кулак.

Анна Петровна бойко прошагала на кухню, попросила хозяйку поставить чайник и, пока он закипал, без умолку трещала на отвлеченные темы. Мария Ивановна молчала, ожидая момента, когда нежеланная гостья сама назовет причину своего визита. Эта минута настала во время чаепития.

– Милая Мария Ивановна, – проворковала Белозерова, заглядывая в глаза Клемма, – вы знаете, скоро вам предстоит серьезная операция. Нет, я ни в коей мере не хочу пугать вас, я просто уверена: все будет хорошо. Мой разговор о другом, – она сделала глоток чая. – Видите ли, послеоперационные больные нуждаются в особом уходе, и горе одинокому человеку! Он испытывает такие мучения, потому что вынужден многое делать сам.

– Кстати, об этом я подумала, – прервала ее Мария Ивановна. – Мы с Натальей Михайловной Бронниковой договорились помочь друг другу.

– Я знаю о вашей чудесной дружбе, – голос врача был слаще сахара, – и только порадовалась бы за вас, однако Наталья Михайловна должна ухаживать за вами не менее месяца, а ей самой предстоит пройти то же самое. Что же, вы посоветуете подруге отложить операцию? Этого нельзя делать ни в коем случае. То есть получится, что Бронникова ляжет к нам, когда вы сама еще будете нуждаться в заботе. Это во-первых. Во-вторых, ваша подруга выйдет, когда вы еще не окрепнете, и у вас не хватит сил помочь ей.

Клемма задумалась. Такого расклада они с Наташей не ожидали.

– Мне кажется, – продолжала Белозерова, – Наталье Михайловне следует вызвать дочь. К чему этот героизм и нежелание огорчать близких? Кто тогда поможет, как не дети? Я обязательно буду говорить с ней на эту тему и, уверена, уговорю. Что же касается вас, моя милая, я предлагаю такой вариант: за вами поухаживает моя дочь Элла. Девушка учится в медицинском, и в ее лице вы найдете профессионального помощника. Она даже может пожить у вас какое-то время, если вы не против. Согласны?

– Все это очень заманчиво, – Клемма вздохнула. – Однако, как я понимаю, не безвозмездно. В наше время нет ни комсомольцев, ни пионеров, и редкая молодежь делает что-

то бескорыстно.

Врач покраснела. Реплика Клемма попала в цель.

– Алчность, корысть, – произнесла она, – зачем же такие громкие и несправедливые слова? Разве нельзя назвать наше соглашение коммерческой сделкой? Эллочка предоставит вам прекрасный уход и не возьмет за это ни копейки, а вы завещаете ей свою квартиру. У вас ведь все равно нет наследников. Какая разница, отойдет ли жилплощадь государству или ее получит человек, который до конца вашей жизни, какой бы долгой она ни была, будет мчаться к вам по первому же зову? – Доктор с надеждой посмотрела на хозяйку.

Клемма встала.

– Я так полагаю, разговор окончен, – констатировала она. – Мне очень жаль, что вы проделали этот путь зря. Насчет своей квартиры у меня другие планы.

Анна Петровна вздохнула:

– Ничего другого я от вас не ожидала. Однако я и не требую немедленного ответа. Прикиньте, подумайте. Такие решения враз не принимаются.

– А мне показалось, я сообщила вам свое решение. – Мария Ивановна направилась к входной двери.

– Я его не понимаю и не принимаю, – уже на пороге заявила Белозерова. – Для меня этот разговор не последний. Всего хорошего.

Закрыв за ней дверь, Мария Ивановна почувствовала облегчение и улыбнулась. Надо же, она жива-здорова, а стер-

вятники уже налетели на ее добро. Первым ее желанием было рассказать обо всем Бронниковой, но Наташка такая эмоциональная, этот рассказ нарушит ее сон и аппетит, а дело не стоит выеденного яйца. Пусть Белозерова хоть двадцать раз заговаривает о квартире – решение уже принято, и она не собирается его менять.

Глава 5

Вернувшись на работу, Павел подробно пересказал разговор с Бронниковой.

– Смотри ты, – усмехнулся Скворцов, – наш покойничек, оказывается, без пяти минут кандидат, в физике кумекает, а мы-то приняли его за специалиста в совсем другой области. Не иначе порнуха – нормальное хобби для ученого.

– Теперь бизнесмена, – поправил его Киселев, – пойдём-ка поговорим с Игорьком Мамонтовым, поспрашиваем, какие выводы он из всего сделает.

Игорь Мамонтов с нетерпением поджидал приятелей. Он страшно не любил расследовать убийства бизнесменов и политиков, рассчитывая напороться на самый обыкновенный «глухарь», и поэтому какие-либо соображения оперативников для него всегда были манной небесной.

– Как я тебя понимаю, – произнес он, выслушав Павла, – твоя версия – месть за Клемма.

Киселев пожал плечами:

– Знаешь, я размышлял об этом всю дорогу и не пришел ни к какому выводу, – заметил он. – Безусловно, данная версия сама идет к нам в руки. Однако возникают вопросы: кто мог так скорбеть по поводу смерти академика? Наталья Михайловна отпадает, ей и в голову такое бы не пришло. Кто-

то из сподвижников Клемма, борец за справедливость? Я думаю так: ученый – не профессиональный убийца и он обязательно нарисовался бы на горизонте еще при жизни Марии Ивановны. Однако она никого среди сторонников не выделяла. Ну а предположение о мести со стороны французских родственников – по-моему, просто бред. Мне кажется, никакого племянника не было и в помине. Просто Клемма никак не могла отвязаться от Белозеровой, хотевшей завладеть квартирой. Никто из вас ведь не сомневается, что это звонила именно она? Наверняка Анна Петровна еще и достаивала хозяйку своим посещением, просто та не говорила об этом подруге. Вот на горизонте и возник мифический француз – племянник. Будь он реальным, об этом бы узнала Бронникова.

– Знаешь, все равно мы должны проверить запросы Клемма во Францию и ответы на них, – протянул Скворцов.

– Обязательно проверим, – кивнул приятель. – Правда, я сомневаюсь в их существовании.

– Ну, кое-что нам просто необходимо проверить, – проговорил Мамонтов. – Тут, по всей вероятности, из одного преступления выплыло другое, которое прямо-таки жаждет раскрытия. Каким образом квартирой Клемма завладела Белозерова? Шлите, друзья, ей повестку.

Глава 6

Анна Петровна Белозерова оказалась высокой полной рыжеволосой дамой, безвкусно и крикливо покрашенной и так же одетой. Она по-хозяйски уселась на предложенный ей стул и заговорила грубым сиплым голосом:

– Признаться, я сгораю от любопытства. Куда-куда, а в милицию меня еще не вызывали. И что же от меня хотят доблестные органы правопорядка?

– Мы хотим получить от вас информацию относительно Клемма Марии Ивановны, – спокойно произнес Игорь. – Не будете же вы отрицать, что знали ее?

– Естественно, не собираюсь. – Доктор не пошевелила и бровью. – А в чем дело?

– Нас интересует, от чего умерла Клемма, – продолжил допрос Мамонтов.

– От сердечной недостаточности, – уверенно сказала Белозерова. – И для этого вы меня вызывали? Могли бы наведаться к нам в больницу, ее медицинская карта еще в целости и сохранности.

– Знаете, многие из друзей Марии Ивановны подвергают ваш диагноз сомнению, – следователь сделал пометки на листке бумаги.

– Догадываюсь, какие, – усмехнулась врач. – Вы слушаете эту истеричку Бронникову, которая с упоением рассказывает

ет вам про пробежки до реки, в то время как мнение компетентных людей вас, видимо, не интересует. Кстати, если Бронникова действительно не принимала наш диагноз, могла бы просить о вскрытии.

– А вы не сделали вскрытие? – удивился Игорь.

– Конечно, не делали. – Щеки дамы стали пунцовыми от возмущения. – У бригады оперирующих не возникло никаких сомнений по поводу смерти Клемма. А ваша дорогая Наталья Михайловна могла бы настоять.

– Ладно, оставим этот вопрос. – Мамонтов понимал: здесь прижать Белозерову не удастся. – Давайте поговорим о ее квартире. Как она перешла к вам?

– Самовольно захватила, – Анна Петровна громко рассмеялась. – Однажды пришла к ней в гости, мне понравилась жилплощадь, и я сказала себе, что так просто с ней не расстанусь. Вы так и напишете?

– Мне непонятен ваш цинизм. – Мамонтова бесила эта женщина. – Это во-первых. Во-вторых, вы, вероятно, забыли, где находитесь. Здесь не цирк и не театр, а у вас не пробы.

– Извините. – Лицо его собеседницы все равно оставалось уверенным и наглым. – Естественно, квартира перешла к моей дочери по завещанию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.